http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-2-93-104

ОБ «ИРРАЦИОНАЛЬНОМ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

Борис Федорович Мартынов

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия

Информация о статье:

Поступила в редакцию:

24 декабря 2017

Принята к печати:

11 марта 2018

Об авторе:
д.полит.н., профессор, заведующий кафедры международных отношений и внешней политики, МГИМО МИД РФ

e-mail: bfmartynoff@gmail.com

Ключевые слова:
рациональные и иррациональные начала в сознании человека и в политических практиках; методы политического прогнозирования; информационная политика России

Аннотация: В статье на основе анализа попыток предвидения глобальных политических сдвигов последних лет, делается вывод о несоответствии существующих методов политического анализа и прогнозирования складывающимся в мире реальностям. Изучение последних работ некоторых российских и зарубежных аналитиков утвердило автора в мысли о том, что сугубо рационалистический подход к постижению политической реальности, господствовавший со времен эпохи Возрождения, в значительной степени исчерпал себя. Вслед за российскими авторами В.Г. Барановским и А.Д. Богатуровым, он считает, что этот подход должен быть дополнен учетом элементов иррационального «природно-стихийного начала», которое воздействует на мир, используя элемент случайности. Суть такого подхода должна, по мнению автора, заключаться: 1) в признании нами недостаточности попыток сугубо рационального осмысления природы человека и его поведения в социальных средах; 2) в переносе центра тяжести в изучении наук о человеке с экономических на национально-этнические, культурологические и цивилизационные аспекты; 3) в более широком применении метода исторических аналогий для изучения всего комплекса проблем международных отношений. Линейный характер нашего прогнозирования в таком случае, скорее всего, пострадает. Однако это пойдет на пользу выработке стереоскопичного и комплексного представления о современном мире, которое столь необходимо в условиях роста общей непредсказуемости мировой политики и «неожиданного» для всех обострения таких глобальных проблем, как терроризм, незаконная миграция, сепаратизм и пр. Автор соглашается с мыслями некоторых западных ученых (Б. Як), которые одновременно призывают к необходимости научиться «правильно жить» с отдельными иррациональными проявлениями политической жизни (например, национализмом), путем поиска и акцентирования их «светлых» сторон и нивелирования «темных». Главным же резервом борьбы с проявлениями «темной» стороны иррационального начала в политике он считает более активное подключение к ней образования и культуры. Культура, как иррациональное начало со знаком «плюс» (включая и политическую культуру) должна, по его мнению, лежать в основе более активной и наступательной информационной стратегии России на международной арене. Переход к такой политике, по его мнению, сейчас является необходимым, поскольку «оборончество» в информационной сфере далее недопустимо.

Прочитав заголовок этой статьи, кто-то может найти в нем противоречие. За долгие годы, прошедшие с начала эпохи Просвещения, мы привыкли считать, что наука не может быть иррациональной, и мало того, что все иррациональное – *антинаучно*. Ни для кого, наверное, не секрет, что пытаясь осмысливать социальную действительность, мы зачастую абстрагируемся от человеческой природы, в которой иррациональное начало занимает почетное второе (а, бывает, что и первое!) место. Особенно этим «грешат» разработчики глобальных теорий, цель которых – «осчастливливать» человечество. Опираясь на *ratio*, они отвергают все иррациональное, как «недостойное внимания», либо «реакционное», не представляя себе негативных последствий, которые несет с собой подобная эксклюзивность. Ведь коль скоро у иррационального начала есть не

только «темная» сторона (такое чувство, как *любовь*, вряд ли можно подвергнуть математическому анализу), то из «светлого будущего» ими заведомо исключается и много хорошего.

Религии, духовности, культуре, когда она апеллирует не к «массам», а к Вечности, людям, когда они не «трава»[1], а хотят быть подобием Вечности, всему «несистемному», когда оно противоречит «системе» и т.д., в мире, который построен по рациональному ранжиру, просто не хватает места. Не в этом ли коренится слабость глобальных теорий, которые, не выдержав проверки временем, просто выходят из «моды»? Вчера это был марксизм, а сегодня – либерализм, построенный на не менее одностороннем, чем марксизм, схоластически-рациональном понимании действительности[2]. На этой последней (хочется думать!) стадии попыток тотально рационализировать жизнь людей, поруганию начинают подвергаться даже те «светлые» стороны иррационального (например, понятия о чести и достоинстве, вечные представления о морали и нравственности), которые в свое время не решался отменить даже марксизм – ленинизм.

Речь в наши дни идет, однако, не столько о теории, сколько о практике. Ведь не только глобальные философско-этические системы, но и наше политическое прогнозирование, основанное на сугубо рациональных посылах, слишком часто оказывается не в силах отобразить богатство реальной действительности. Запомнилась статья бывшего директора ЦРУ адмирала С. Тернера в журнале «Форин Аффэйрс» за 1993-й год, где он распекал американское аналитическое сообщество, включая «Рэнд корпорейшн», за неспособность своевременно предвидеть распад СССР. А ведь, кажется, американские аналитики не вправе сетовать на недостаточное финансирование!

Но это лишь один пример. А сколько их можно привести в связи с не осмысленными нами до конца трагедиями современности! Со времени окончания эпохи биполярности «Черные лебеди» глобальной непредсказуемости (Нассим Талеб)[3] стали вылетать с пугающей регулярностью. По справедливому утверждению В.А. Никонова, «количество фактов, приводящих к фундаментальным катаклизмам, не поддается оценке человеческим разумом, а множество из них навсегда остается просто неизвестными»[4]. Мы не устаем удивляться бессмысленности и жестокости деяний международных террористов и преступников всех мастей, зашкаливающему радикализму религиозных фанатиков, бездумному расходованию правительствами разных стран колоссальных средств на все новые виды вооружений в условиях деградации окружающей среды, климатических изменений, нищеты, голода и болезней огромных масс людей, и пр. Но при этом почему-то продолжаем считать, что изучение природы человека, как главного актора всех социальных трансакций, должно ограничиваться рациональным началом.

---

[1] Образное выражение А. Герцена («Былое и думы»). Иллюстрирует стремление одного из бывших руководителей российского Министерства образования воспитывать не «гениев», а «грамотных потребителей».

[2] В основу и того, и другого, изначально была заложена некая умозрительная моральная *презумпция* о человеке. Марксисты, вслед за Гоббсом, склоняются к тому, что человек по своей природе плох, и чтобы его исправить (создать «нового человека коммунистической формации») необходимо всевластие государства. Либералы же, вслед за Руссо (теория «благородного дикаря»), наоборот, считают, что человек по природе хорош, и лишь принуждение со стороны государства развило в нем отрицательные качества. Оба подхода являются по своей сути *квази* – рационалистическими, основанными не на опыте, а на *представлении*.

[3] Этот неординарный автор определяет эффект появления «Черного лебедя» как событие, во-первых, «аномальное», во-вторых, «обладающее огромной силой воздействия» и, в третьих, как «заставляющее нас придумывать объяснения случившемуся уже после того, как оно случилось» (Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – Москва: КоЛибри, 2011. – 735 с. [Thaleb, N.N. Chernyi lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti (The Black Swan. The Impact of Highly Improbable). Moscow: Ko libri, 2010. 735 p.])

[4] Никонов В.А. Крушение России. 1917. – С. 11. Режим доступа: fictionbook.ru/static/trials/06/18/14/06181443,a4.pdf [Nikonov, V.A. Krushenie Rossii. 1917 (The End of Russia. 1917) P. 11. Mode of access: fictionbook.ru/static/trials/06/18/14/06181443,a4.pdf]

Какие-то из перечисленных выше явлений, конечно, должны осмысливаться исходя из привычных рационально-обоснованных критериев. Но отнюдь не все. Главари возникающих как грибы то тут, то там, террористических структур руководствуются, как правило, соображениями денег и власти. Но речь не о них, а о тех представителях низшего и среднего звена, которые считают для себя «счастьем» устроить теракт в людном месте где-нибудь в Париже или Брюсселе, включая вариант самоуничтожения. С позиции «чистого разума» (или так называемых «европейских ценностей») эти люди, казалось бы, получают все, о чем раньше могли только мечтать: гражданство ЕС и свободу перемещения по Европе, работу, собственный бизнес, воссоединение с семьями, обширные права и свободы, включая полную свободу исповедывать Ислам. При этом многие из современных молодых террористов родились в Европе и не испытали и доли тех лишений и унижений, которые выпали на долю их родителей. «Чистый разум» и наша привычка к поиску рациональных ответов с этим контингентом – увы! – не работают…

Попробуем разобраться. Пытаясь нащупать баланс рационального и иррационального в таком понятии, как «национализм», американский ученый Б. Як прибегает к определению «социальной дружбы». При этом, поскольку факт принадлежности человека к той или иной нации носит, по его мнению, «случайный» (факт рождения) характер, то и «единственный критерий этой социальной дружбы имеет субъективный характер». «Узы социальной дружбы, соединяющие нас друг с другом в жизни общества, – пишет он, – не являются иррациональными в смысле примитивной инстинктивной силы, ослепляющей и одолевающей рассудок. Но они и не рациональны – в том смысле, что своим происхождением они не обязаны расчету и выбору»[5]. Баланс рационального и иррационального в содержании национализма у Б. Яка явно нарушается в пользу последнего.

К этому труду мы еще будем обращаться в связи с предпринятой ее автором смелой попыткой *онаучить* понятие «случайность» (глагол «детерминировать» здесь, по-видимому, неуместен). Действительно, многие моральные категории, представления о чести, достоинстве, свободе и пр. и даже понятия о любви и дружбе можно (если очень постараться!) объяснить рационально. Например: эволюцией неких примитивных императивов доисторического бытия (как поступают некоторые экономисты, вполне заслуживающие определения «вульгарных») или какими-то химическими реакциями, которые протекают в организме человека (любовь – ?). Однако на пути тотального детерминизма встает *элемент случайности*, который своим активным и непредсказуемым действием на всех уровнях социального общения доказывает нам право иррационального начала не только легитимно со-существовать бок о бок с рациональным, но и активно претендовать на свое особое место при анализе социальной действительности.

Так что же такое случайность? По Б. Яку это «то, что навязывает себя нам, хотя легко могло бы быть иным»[6]. В этом «элегантном» определении присутствуют, как минимум, две важные мысли. Первая: человек отнюдь не «сам хозяин своей судьбы» и не «кузнец собственного счастья», во всяком случае, в той степени, как это было принято считать у нас ранее. Вторая: случайность *не фатальна* («легко могло бы быть иным»), что дает людям возможность без излишнего самообольщения намечать свои планы на жизнь и пытаться реализовывать их.

В 2010 году российские ученые В.Г. Барановский и А.Д. Богатуров впервые в отечественной политологии написали о том, что полная рациональность не способна дать исчерпывающую картину современного мира, и что от нее нужно отказаться в пользу некой «ограниченной рациональности». «Наряду с целенаправленными и продуманными действиями, предпринимаемыми под воздействием человеческого

[5] Як Б. Национализм и моральная психология общества. Москва: Институт Гайдара, 2017. – С. 88, 102. [Yak, B. Natsionalizm i moral'naia psikhologiia obshchestva (Nationalism and the Moral Psychology of Community). Moscow, Institut Gaidara, 2017. P. 88, 102.]

[6] Ibid. C. 36.

разума, на международную систему оказывает огромное влияние природно-стихийное начало, присущая мировой системе хаотичность развития, способная в любой момент «скорректировать» влияние человеческого разума, уничтожить плоды его упорядочивающих усилий. Если с человеческим разумом в науке сопрягается идея организации мира, то с понятием хаоса и стихии связывается представление о его самоорганизации, которая трактуется как результат нерациональных (возникших независимо от человеческого разума, но природных) воздействий»[7].

Теория самоорганизации, предложенная этими российскими авторами, помогает не абсолютизировать рациональную предопределенность мирового развития, уделяя должное внимание фактору случайности. Последняя в контексте синергетики предстает не «стечением обстоятельств», плодом недальновидности или чьей-то ошибки, «а результатом влияния, исходящего из органики самой мировой системы, присущих ей колебаний (флуктуаций). Во многих случаях эти колебания в принципе не подлежат прогнозированию при нынешнем уровне наших знаний о природе хаоса и самоорганизации систем»[8]. То есть, все сказанное выше вполне можно было бы свести к одной простой формуле, которая была предложена еще Гёте: «Теория бледна, мой друг, а Древо Жизни пышно зеленеет».

Поистине, как часто новое является хорошо забытым старым! Но наша традиционная «слепота по отношению к случайности»[9] в XX веке обернулась чудовищными трагедиями, а сегодня привела к тому, что получило определение «стратегической фривольности»[10] – к готовности людей создавать рискованные ситуации в угоду сиюминутным интересам, основываясь на безответственности и самолюбовании.

Когда историки, спорящие о причинах скатывания Европы к Первой мировой войне, сходятся во мнении: «события вышли из-под контроля», не означает ли это, что «природно-стихийное начало», исходя из соображений собственной логики, сумело скорректировать влияние человеческого разума и уничтожить плоды его упорядочивающих усилий? Сегодня мы не можем дать точный ответ на этот вопрос. Во всяком случае, война, сама эвентуальность которой отвергалась тогда большинством наблюдателей в силу рациональных мотивов[11], стала апофеозом иррационального. Кто хотя бы за месяц до событий августа четырнадцатого мог подумать, что образованная Европа, накопившая колоссальные материальные и культурные богатства и достигшая высот технократического развития, будет вскоре опутана колючей проволокой и изрезана линиями окопов? Считалось, что война продлится недолго, ну, от силы месяц-другой, и… одни уже видели себя торжественно вступающими в покоренный Париж, другие – марширующими с песнями по Унтерден-Линден.

Но ничего этого *не было*. А были четыре года систематического убийства людей, уничтожения материальных богатств и самого культурного слоя Европы, которая уверенно нисходила к временам варварства. Американский историк Э. Тэйлор писал: «В результате той войны обрушился не только старый мировой порядок, но и порядок

---

7 Барановский В.Г.; Богатуров А.Д. (Отв.ред.) Современные глобальные проблемы. – Москва: Аспект-пресс, 2010 – С. 19. [Baranovski, V.G.; Bogaturov, A.D. Sovremennye globalnye problem (Modern Global Problems). Moscow: Aspect-press, 2010. P. 19.]

8 Ibid. C. 20.

9 Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – Москва: КоЛибри, 2011. – С. 15. [Thaleb, N.N. Chernyi lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti (The Black Swan. The Impact of Highly Improbable). Moscow: Ko libri, 2010. P. 15.]

10 Бордачев Т.В. Пушки апреля или Возвращение стратегической фривольности // Россия в глобальной политике. – 2017. – №3. – с. 24. [Bordachev, T.V. Pushki aprelia ili vozvrashenie srtategicheskoi frivolnosti (The April Guns or the Return of the Strategic Frivolity) // *Rossia v globalnoi politike*, 2017, Vol. XV, 3, P. 24.]

11 Считалось, что количество материальных и культурных ценностей, накопленных народами Европы, их высокий культурный уровень и степень финансовой, экономической и политической взаимозависимости являются достаточной гарантией от развязывания войн и конфликтов.

в человеческих социумах и в умах людей. С исчезновением былых символов авторитета и власти на свет народилось поколение политических психопатов, одержимых духом протеста ради протеста, пусть даже против самих законов природы». Констатируя падение стандартов в искусстве, литературе, нравах и даже в моде, Э. Тейлор считал, что «связь между техническим прогрессом и улучшением природы человека оказалась подорвана»[12].

Тяготы и испытания, наступления которых никто не предвидел, положили начало цепочке событий, протянувшейся до наших дней. Но неистребимая вера людей во всемогущество разума, этакий «коллективный нарциссизм», до сих пор не позволяет прогнозировать развитие событий хотя бы на год вперед и адекватно оценивать уроки истории. В бытовом сознании неизбежно формируется этакий непреодолимый замкнутый круг случайностей с иллюзией «дежавю». Кто мог представить себе еще в 1990-м году, когда казалось, что перед нашей страной и всем миром открывается эра всеобщего благоденствия и равноправного сотрудничества, произойдут события, которые заставят вспомнить о миропорядке кануна Первой мировой? Поистине, недоучет «природно-стихийного начала» слишком часто заставляет нашу Историю выказывать свой «иронический» (Э. Хобсбаум) характер. Сегодня нам кажется, что и победа Трампа, и «Брексит», и наступление исламского терроризма, и волны мигрантов из стран Африки и Ближнего Востока, и нарастание сепаратистских и «европессимистических» настроений в Европе, и референдум в Каталонии, и пр., наряду с общим нарастанием напряженности в мировой политике, говорят о желании этого «начала» доказать нам необходимость пересмотра методов и способов оценки происходящих в мире процессов.

Но, что же, наконец, представляет собой это самое «природно-стихийное начало», и как нам постараться его определить? Ответа на этот вопрос требует унаследованная нами от предков привычка к рациональному мышлению. Кое-что удается прояснить, если дополнить это понятие синонимическим рядом: «Природа», «Рок», «Судьба», «Хаос», «Его Величество Случай», знаменитый «Русский Авось» (так часто и подводивший, и выручавший нас в нашей истории!), и, наконец, – «Бог». Любой из нас, будь он хоть трижды атеист, хотя бы раз в жизни пенял на «судьбу», а с привычной, «бытовой» точки зрения между этими понятиями нет никакой практической разницы. Отметим вот еще что: атеизм вошел в моду в Европе и в России в конце XIX – в начале XX века. Сегодня на основе гораздо более широкой естественнонаучной базы он «почему-то» выходит из моды, когда мы становимся свидетелями почти повсеместного возрождения интереса к религии. Но стоит ли вообще пытаться «объять необъятное»?

Наверное, не стоит. Необходимо, однако, с учетом всех предыдущих «проб и ошибок» выработать некий новый, синергийный подход к понятию «здравый смысл», дополнив его рациональную предопределенность допуском элемента иррационального. Пора согласиться с тем, что мы, похоже, уже и так давно усвоили *de facto:* «Природно-стихийное начало» способно действовать помимо нашей воли и в любой момент вносить коррективы в наши планы.

Уже упоминавшийся Б. Як призывает нас научиться «жить с национализмом». Он, по его мнению, неистребим, как неистребимо иррациональное в своей основе явление «социальной дружбы» внутри произвольно возникших «межпоколенческих сообществ»[13]. В целях преодоления его крайних проявлений (экстремизм, терроризм, внутри- и межгосударственные конфликты и войны) необходимо обратить внимание на

[12] Taylor, Ed. The Fall of Dynasties. The Collapse of the Old Order. New York: Yale University Press, 1963. P. 385.

[13] В отличие от многих, Б. Як не склонен выпячивать лишь негативные стороны национализма. «Национализм может быть ответственен за один из самых ужасающих актов насилия в XX веке, но он же, как это было в случае Второй мировой войны, во многом и обеспечил ту энергию, которая позволила нам сокрушить их виновников». Як Б. Национализм и моральная психология общества. Москва: Институт Гайдара, 2017. – С. 484. [Yak, B. Natsionalizm i moral'naia psikhologiia obshchestva (Nationalism and the Moral Psychology of Community). Moscow, Institut Gaidara, 2017. P. 484.]

совершенствование «моральной психологии общества». В предлагаемом рецепте нет ничего сверхъестественного. Американский ученый не призывает вернуться в Средневековье и отдаться на волю Промысла Божия. Обращаясь, в основном, к либеральной аудитории, он советует ей отказаться от «диктатуры прав человека» в пользу естественно связанных с этими правами *социальных обязанностей*, иными словами – от излишнего *самолюбования и самоуверенности*, которые (подчас искусственно!) формировались в сознании людей на протяжении столетий, начиная с эпохи Возрождения. «Широко распространенное отождествление несправедливости с отрицанием права, выдает оскудение нашего понимания справедливости, когда частное средство осуществления справедливости (то есть права́) подменило собой все понятие в целом»[14].

Особый разговор о «поощрении чувства человечности и сострадания в противодействии фанатизму». Очевидно, что «оскудение» понимания справедливости, о котором говорит Б. Як, обязано своим существованием элементарному расчету («справедливо лишь то, что приносит мне пользу»). «Современным международным отношениям, с одной стороны, катастрофически не хватает нематериальных составляющих, способных играть роль стабилизаторов, а с другой, в избытке нематериальные факторы, способствующие раскачиванию ситуации. Главный вопрос – установление равновесия между силой, моралью и правом в политике. Сейчас это может выглядеть несколько наивно. Но «железа» хватает и так, а с уважением и легитимностью явные проблемы»[15]. Для исправления ситуации, очевидно, придется ввести в дело *чувственные* (т.е. иррациональные) понятия. Как иначе воспитать у людей качества человечности и сострадания? Взывать к их *ratio*, намекая на возможность некой компенсации в будущем (по принципу «*do ut des*»)[16] бесполезно: человек, мыслящий рационально, всегда предпочитает «синицу в руках журавлю в небе». Наверное, поиск следует вести «от противного», стараясь в *синергийно* сочетать рациональное и иррациональное начала в природе человека. Сделать это помогает культура.

Культуру не выбирают рационально: люди получают ее, как некую данность. Точно так же, как и нацию (этнос, народ) среди которых человеку суждено рождаться. Органичная связь культуры с «почвой» через элемент случайности не может вызывать сомнений. И то, и другое, лежит за пределами нашего инструментального планирования. Не удивительно, что культура где-то к началу XX в. выпала из мейнстрима социальных наук, превратившись в этакую «падчерицу» экономики[17]. «Культура, – считают голландские ученые Ш. Бегельсдайк и Р. Маселанд, – охватывает наследуемые обычаи и убеждения, которые определяются на коллективном уровне и могут быть с точки зрения индивида иррациональными». Она «живет собственной жизнью», но «там, где экономическая наука концентрируется на выборе индивида, культура включается в экономическую модель как данность… Интеграция культурных структур в теорию рационального выбора, принятую в экономическом образе мышления, осложняется»[18].

Пытаясь осмыслить глобальное значение культуры, эти авторы приходят к важному выводу, который подтверждает

[14] Як Б. Национализм и моральная психология общества. Москва: Институт Гайдара, 2017. – С. 484. [Yak, B. Natsionalizm i moral'naia psikhologiia obshchestva (Nationalism and the Moral Psychology of Community). Moscow, Institut Gaidara, 2017. P. 484.]

[15] Бордачев Т.В. Пушки апреля или Возвращение стратегической фривольности // Россия в глобальной политике. – 2017. – № 3. – с. 33. [Bordachev T.V. Pushki aprelia ili vozvrashenie srtategicheskoi frivolnosti (The April Guns or the Return of the Strategic Frivolity) // *Rossia v Globalnoi politike*, 2017, Vol. XV, No. 3, P. 33.]

[16] «Я даю тебе, чтобы ты дал мне» (лат.)

[17] Это было хорошо заметно на примере Советского Союза, где культура всегда финансировалась по «остаточному» принципу. Тем не менее, советская культура достигла в мире признанных высот, что еще раз подтвердило библейскую истину: «Не хлебом единым…».

[18] Бегельсдайк Ш.; Маселанд Р. Культура в экономической науке. – М.: Институт Гайдара, 2016. – С. 358-359. [Beugelsdijk, S.; Maseland, R. Kul'tura v ekonomicheskoi nauke (Culture in Economics). Moscow: Institut Gaidara, 2016. PP. 358-359.]

правоту сторонников полицентричности. Они считают, что мир нельзя построить по одному социально-экономическому шаблону, поскольку связь между материальным доходом и *счастьем* обусловливается цивилизационно-культурной средой. Отсюда их вывод о том, что важность материального дохода в разных обществах неодинакова. «Если каждое общество со своим отчетливым набором предпочтений ведет себя согласно этим предпочтениям, то мы можем ожидать разных экономических результатов», – пишут Ш. Бегельсдайк и Р. Маселанд, при этом уровни субъективного благосостояния в этих обществах непременно будут разными[19].

В далеком 1990-м году, в Майами, автор настоящей статьи познакомился с одним пожилым кубинским эмигрантом самой первой «антикастровской» волны. Эмигранты с Кубы превратили этот расположенный на болотах когда-то второсортный курорт в мощный экономический и транспортный центр юга США. Мой знакомый, очень богатый человек, мог бы считать свою жизнь олицетворением «американской мечты», но на вопрос, счастлив ли он, однозначно ответил – «Нет!». «Чтобы остаться на плаву, я должен каждый день вставать до рассвета и заниматься делами до полуночи. Я живу чужой жизнью!», – воскликнул он, еще раз подтвердив, что «богатые тоже плачут».

Опыт этого «кубиноамериканца», казалось, можно было бы экстраполировать на сегодняшнюю ситуацию с мигрантами в ЕС. Разница, однако, в том, что подавляющее большинство выходцев из стран Африки и Ближнего Востока в странах ЕС исключительно молоды. На их нежелание и порой неумение «жить чужой жизнью» дополнительно накладывается на присущую молодости страсть к героизму и стремление прославиться (Ф. Фукуяма в своей книге «Последний человек» обозначает это греческим словом thymos – «стремление к признанию»). Такая гремучая смесь, помноженная на генную память о веках неравноправия и лишений, при отсутствии веских духовных и культурных альтернатив, зачастую приводит многих из них к выбору радикального *modus vivendi*. Стоит прислушаться к мнению Скотта Атрана – одного из тех американцев, которые считают, что правительство США недостаточно активно реагирует на пропаганду фундаментализма: «Мы постоянно слышим, что противоядием являются проповеди умеренного ислама. Я обращаюсь к членам Совета национальной безопасности: «У Вас есть дети? И как они реагируют на все умеренное?».

Молодые члены разного рода бандформирований, революционных, террористических, экстремистских и пр. организаций, как правило, мало задумываются о возможном наказании, степени его тяжести, тяжелой участи своих потенциальных жертв и т.д. Такие мысли уступают место чувству солидарности юношей и девушек, их иррациональному желанию испытать что-то новое, доказать себе и окружающим свою смелость, последовательность, бескомпромиссность, лояльность по отношению к руководителям и пр. Этому во многом способствуют СМИ с их пропагандой девиантных поведенческих матриц: они героизируют преступное поведение как «смелое» и «оригинальное», создают шаблонные стереотипы благополучия, успеха и моды, приучают к мысли о безальтернативности силы в решении жизненных коллизий.

В свое время мы дали «рабочее» определение терроризма как *уголовного преступления в сфере политики, которое является превышением (зачастую многократным) меры необходимой самообороны со стороны отдельной личности, организованной структуры и/или государства (террористическое государство) во внутренней или внешней политике*[20]. Любое превышение меры необходимой самообороны, с чьей бы то ни было стороны, безусловно, заслуживает наказания, жесткость которого должна

[19] Ibid. C. 367.

[20] Мартынов Б.Ф. (Отв. ред.) Трансграничный терроризм. Угрозы безопасности и императивы международного сотрудничества. Латиноамериканский вектор. – М.: Наука, 2006. [Martynov, B.F. (ed.) Transgranichnyi terrorism. Ugrozy bezopasnosti I Imperativy mezhdunarodnogo sotrudnichestva. Latinoamericanskii vektor (Transnational Terrorism. Threats to the Security and the Imperatives of International Cooperation. Latin American Vector). Moscow: Nauka, 2006.]

зависеть от степени тяжести совершенного преступления. Речь идет, однако, не о наказании, а о профилактике экстремизма. Никакие, даже самые жестокие наказания не способны погасить волну насилия в мире при отсутствии должных мер профилактики, которые невозможны без понимания глубинных причин всех составляющих насилия.

Аргентинский экономист Бернардо Кликсберг, автор вышедшей в Буэнос-Айресе в 2006 г. монографии «Преступность в Латинской Америке: мифы и реальность», пишет: «Вместо того чтобы раз за разом придумывать новые и все более жестокие методы воздействия на преступников, не лучше ли нам было бы поискать новое осмысление феномена преступности, которое принимало бы в расчет ее нынешний комплексный и многопрофильный характер?»[21]. Сказанное в 2006 году сегодня приумножило свою актуальность. После терактов, произошедших в Париже летом 2016 г., профессор Страсбургского Университета Ж. Бенсуссан написал на страницах газеты «Монд» о том, что «нам всем пора научиться мыслить по-новому и отказаться от старых привычек, которые в совокупности сводятся к примитивным рефлексам собаки Павлова»[22].

* * *

В том сложном клубке мотиваций, которыми характеризуются современные образцы девиантного поведения, рациональному началу, на наш взгляд, отводится слишком много места. Противодействие рациональной мотивации преступников не составляет особого труда, потому что, во-первых, их намерения могут быть легко просчитаны, а, во-вторых, им можно противопоставить не менее рациональные средства противодействия: от разубеждения до карательной санкции. Проблема заключается в том, что иррациональное начало в поведении людей, их обществ и даже целых государств порой начинает довлеть над рациональным. Ранее доступные для логического осмысления поведенческие мотивы начинают уступать место алогичным. Сегодня нам все чаще приходится сталкиваться с преступлением ради преступления и насилием ради насилия. Как отдельные люди, так и правящие элиты целых государств все чаще позиционируют собственные краткосрочные (личные, локальные, электоральные и пр.), заточенные на приобретение сиюминутных выгод интересы, над долгосрочными. Инструментами в их руках становятся чувства ненависти, мести, злобы, зависти, и т.д. Это стало особенно заметно в политике администраций США, которые любой ценой стремятся сохранить за Вашингтоном глобальное лидерство.

Некогда эмансипированные от «природно-стихийного начала» иррациональные побуждения в душе человека и ежедневно в той или иной форме транслируются им вовне в надежде обрести утерянное единство с *Целым*, либо избавиться от этого «комплекса». Неоднократные попытки людей загнать их в «подполье», отменить декретом и т.д. неизменно заканчиваются по сценарию: *вы его – в дверь, оно – в окно*. Вслед за Б. Яком, придется признать, что нам надо *научиться жить* с проявлениями иррационального на всех уровнях социального общения, включая и мировую политику. Это предъявляет дополнительные требования, как к методам нашего политического прогнозирования, так и к способам противодействия проявлениям «темной» стороны иррационального.

100-летнияя годовщина событий 1917 г. в России породила «бум» политического анализа. Говоря о причинах тех далеких событий, многие авторы отмечали роль резкого роста грамотности населения России на изломе веков. Британский исследователь Рой Бейнтон, например, привел такие статистические данные: Если в 1881 г. уровень грамотности в Британии составлял 84%, то в России – всего 11%. К 1917 г. эта цифра в среднем по России составляла уже 79%, причем среди жителей Петрограда она достигла 89%[23]. Другой британский ученый, О. Фиджес, в этой связи отмечал следующее: «Когда взрослые вынуждены постигать азы образования, которым дети обучаются в школах, им, как правило, бывает трудно выйти за пределы самых простых,

[21] Kliksberg, B.A. Mitos y realidades sobre la criminalidad en América Latina. Buenos Aires: Siglo, 2006. P. 17.

[22] Le Monde. 25.07.2016

[23] Bainton, R. 1917 Russia`s Year of Revoluton. London: Robinson, 2005. P. 89.

легких для понимания идей. Они видят мир в черно-белом свете, потому что усвоенные ими базисные, примитивные знания не позволяют раскрасить его в другие цвета. Марксизм в этом случае…предлагал единственное и простое решение всех проблем «капитализма», с которым им приходилось сталкиваться в быту, не давая возможности мыслить самостоятельно»[24]. Полуграмотные, но уверенные в безошибочности своего *ratio* массы стали хорошим материалом для политических манипуляторов.

По мнению К.Б. Назаренко поголовная грамотность матросов, помноженная на скуку экипажей крупных кораблей, которые находились в «стратегическом резерве» или на длительном ремонте (среди них и знаменитый крейсер «Аврора»!), имела в годы Первой мировой войны катастрофические последствия» для России[25]. Служба на малых кораблях, считал этот автор, «значительно сильнее сплачивала командный состав и матросов. К тому же аудитория у нелегального агитатора на крупном корабле шире («эффект толпы»), чем на небольшом, поэтому даже один-два члена революционной группы способны создать там ячейку сторонников и организовать выступление, пример чему – восстание на броненосце «Потемкин»[26]. Таким образом, напрашивается вывод, что скука, породившая состояние «аномии» (Э. Дюркгейм) среди людей, которые без подсказки извне не способны сами разобраться в социальной действительности и подняться над «черно-белыми» формулами, становится идеальным стимулом для проявления «темной» стороны иррационального. Свидетельством этому – та поистине «звериная» жестокость, которой сопровождались массовые убийства матросами офицеров в Кронштадте и Гельсинфорсе в феврале-марте 1917 г. (всего погибло более 100 человек, включая 4-х адмиралов). Примерно то же самое происходило в Киле в ноябре 1918 г., когда немецкие матросы, устав от многомесячного безделья и скуки[27], встали во главе революционных событий в Германии. Разница была только в том, что пропагандой на кораблях германского флота занимались немецкие социал-демократы, которые отличались от большевиков гораздо меньшим радикализмом.

Некоторые элементы этих ситуаций можно экстраполировать на наши дни. Образование, не трансформированное в статус, скука и «вакуум в головах», помноженные на генную память, доставшуюся от предков, и на обиды недавнего времени, нежелание и/или неспособность жить «чужой жизнью» вне привычного цивилизационно-культурного ареала, потребность в мести, зависть, стремление выделиться, императивы социальной лояльности и «верности делу» (партии, футбольного клуба, радикального «гуру» и пр. и пр.) ежедневно и ежечасно порождают девиантное поведение в определенных возрастных и социальных стратах. Пытаясь рационально отделить одни проявления синергийных выбросов иррационального от других и прибегая для этого к шаблонным формулам, типа: «революции – от бедности», «фундаментализм – от недостатка мечетей», мы будем загонять проблемы вглубь.

Для человека неважно, от кого он, его близкие или знакомые могут претерпеть увечье или смерть: от рук леворадикального партизана из какой-нибудь «Сендеро люминосо»[28], экстремистски-настроенного

[24] Figes, O. A People`s Tragedy. The Russian Revolution. 100th Anniversary Edition. London: The Bodley Head, 2017. P. 120.

[25] Балтийской флот в Октябрьской революции и гражданской войне. Партийное издательство. Москва-Ленинград, 1932., с. III. [Baltiiskyi flot v Oktiabr`skoi Revolutzii i Grazhdanskoi voine. Partiynoe izdatelstvo. Moskva-Leningrad, 1932, p. III]

[26] Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России: 1917-1921. М.: Квадрига, 2011. – С. 127, 483. [Nazarenko, K.B. Flot, Revolutzia I vlast` v Rossii: 1917-1921 (Navy, Revolution and Power in Russia: 1917-1921). Moscow: Kvadriga, 2011. P. 127, 483.]

[27] После закончившегося, фактически, «вничью» Ютландского сражения с британским флотом (июнь 1915 г.), Вильгельм II, не желая больше рисковать основными кораблями своего флота, приказал им оставаться в гаванях.

[28] Хорошей иллюстрацией ущербности социально-экономических формул объяснения феномена терроризма стал факт существования леворадикальной террористической группировки Баадера-Майнхоф во вполне благополучной с экономической точки зрения ФРГ в 60-е – 70-е гг. прошлого столетия.

националиста, террориста или ошалевшего фаната какого-нибудь спортивного клуба. Нюансы и различия в их идеологиях, мотивациях и пр., разумеется, важны и аналитики обязаны принимать их во внимание. Однако это не отменяет собой того, что все рационально выстроенные идеологии так или иначе являются сопутствующим продуктом рвущейся к жизни «темной» стороны иррационального – продуктом, который призван морально его оправдать.

Суть предлагаемого нами нового подхода к осмыслению социально-политических реалий в своих наиболее общих чертах заключается в следующем: *1) необходимо признать недостаточность сугубо рационального подхода к осмыслению природы человека и его поведения в социальных средах; 2) центр тяжести в изучении природы человека следует перенести с экономических на национально-этнические, культурологические и цивилизационные аспекты; 3) необходимо более широко и конкретно применять метод исторических аналогий для изучения проблематики современных международных отношений.*

Линейный характер нашего прогнозирования при выборе такого подхода, скорее всего, пострадает. Однако он будет способствовать выработке стереоскопичного и комплексного представления о мире в условиях роста непредсказуемости мировой политики и обострения глобальных проблем. «История не имеет линейного характера и не развивается последовательно из точки А в точку Б. Несмотря на неизбежное и необходимое для совершенствования аргументов умножение сущностей, базовые характеристики, описывающие природу отношений между народами, не так многочисленны. Это позволяет спокойно обращаться к опыту предыдущих столетий. Наша цель – изучить руины мировых порядков прошлого, чтобы понять, каким опытом необходимо воспользоваться, а каких ошибок избежать»[29].

Упорство в применении старых методов приводит нас, подчас, к «кричащим» противоречиям. Например, одни весьма уважаемые авторы в аналитической работе говорят об отсутствии у них твердой уверенности в том, что «разумность истории возрастает». Однако всего несколькими строками ниже они буквально предписывают ей быть «разумной» и обязуются продолжать свои попытки «постичь происходящее разумно». Заявляя, что «любые исторические аналогии ущербны, а зачастую и опасны», что «в прошлом не найти ответов для будущего», сами эти авторы в своем небольшом труде приводят целых *семь* (!) исторических аналогий…[30].

Радикальная «переоценка ценностей» в стремлении противодействовать избытку агрессии, в том числе и на международной арене, невозможна без подключения «светлой» стороны иррационального, ибо «подобное познается (и излечивается!) подобным». Мы уверены в том, что культура, как иррациональное явление со знаком «плюс», способна перенастроить мозг человека. Что может отвлечь футбольного фаната от неистового поклонения любимому клубу или бандита от беззаветного служения его банде? Наверное, только то, что будет обладать бóльшим ореолом престижности (культуры) в глазах окружающих. Поэтому нам не совсем понятен шаблонный подход наших СМИ к пропаганде ценностей образования и культуры. К сожалению, до последнего времени шаблонность была характерна и для нашей политической пропаганды, которая в условиях развернувшейся *de facto* информационной войны с Западом вынуждает Россию занимать позицию обороняющейся стороны.

Вспоминается фраза, сказанная В.В. Путиным в сентябре 2017 года: «Трудно иметь дело с теми, кто путает Австрию

[29] Бордачев Т.В. Пушки апреля или Возвращение стратегической фривольности // Россия в глобальной политике. – 2017. – №3. [Bordachev T.V. Pushki aprelia ili vozvrashenie srtategicheskoi frivolnosti (The April Guns or the Return of the Strategic Frivolity) // *Rossia v globalnoi politike*, 2017, Vol. XV, No. 3.]

[30] Как важно быть серьезным: мир на грани непоправимого // Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». – Москва: октябрь 2017. 20 с. [Kak vazhno byt serioznym: mir nag rani nepopravimogo (How it is Important to be Serious: The World on the Verge of Uncorrectable) // Doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba “Valdai” (Report of the International Club “Valdai”). Moscow, 2017. 20 p.]

с Австралией!». Этот и другие упреки подобного рода в адрес американского истэблишмента со стороны нашего Президента, представляются мне первой с нашей стороны *адекватной* попыткой подключиться к российско-американскому диалогу с позиции «ценностей» – тех самых, которыми веками привык гордиться «цивилизованный Запад». Сегодня эти ценности, в духе которых воспитывались поколения европейских политиков и дипломатов: профессионализм, интеллигентность, эрудированность, уважительное отношение к нормам права и дипломатического протокола, высокий уровень общей культуры и т.д., все больше становятся невостребованы под влиянием «политкорректности» и довольно-таки своеобразных традиций американской дипломатии, с которыми, стиснув зубы, вынуждены мириться европейцы. Взаимное уважение – это сегодня «то, чего больше всего не хватает великим и просто крупным державам. Особенно это заметно на водоразделе Запад – остальной мир». При этом «установка на то, что наиболее надежным средством устранения противоречий является трансформация собеседника, делает дискуссию бесплодной, а дипломатию бессильной»[31].

Пока арсенал нашей политической пропаганды, реализующейся по дипломатическим каналам, полнится, в основном, призывами, обращенными к рациональному началу. Помимо того, что рациональные аргументы успевают основательно «приедаться», они далеко не всегда достигают до глубин человеческой психики. Не учитывают они и особенностей политической, в частности – *правовой* культуры наших оппонентов, а также специфики их исторического «взросления». Многократно повторяющиеся нами упреки США в нарушении международного права, в несоблюдении договоренностей, в применении «двойных стандартов» и пр. «не срабатывают» в силу *принципиального иного понимания* этих материй в США. Источник «когнитивных диссонансов» в наших отношениях с этой страной следует искать не только и даже, наверное, не столько в экономике и политике, сколько в особенностях национальной психологии и истории двух наших народов.

[31] Бордачев Т.В. Пушки апреля или Возвращение стратегической фривольности // Россия в глобальной политике. – 2017. – № 3. – с. 30. [Bordachev T.V. Pushki aprelia ili vozvrashenie srtategicheskoi frivolnosti (The April Guns or the Return of the Strategic Frivolity) // *Rossia v globalnoi politike*, 2017, Vol. XV, No. 3, P. 30.]

Литература:

Барановский В.Г.; Богатуров А.Д. (Отв.ред.) Современные глобальные проблемы. – Москва: Аспект-пресс, 2010. – 349 с.

Бегельсдайк Ш.; Маселанд Р. Культура в экономической науке. – М.: Институт Гайдара, 2016. – 445 с.

Бордачев Т.В. Пушки апреля или Возвращение стратегической фривольности // Россия в глобальной политике. – 2017. – №3. – с. 23-34.

Как важно быть серьезным: мир на грани непоправимого // Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». – Москва: октябрь 2017. 20 с.

Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России: 1917-1921. М.: Квадрига, 2011. – 483 с.

Никонов В.А. Крушение России. 1917. Режим доступа: fictionbook.ru/static/trials/06/18/14/06181443,a4.pdf

Мартынов Б.Ф. (Отв. ред.) Трансграничный терроризм. Угрозы безопасности и императивы международного сотрудничества. Латиноамериканский вектор. – М.: Наука, 2006.

Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – Москва: КоЛибри, 2011. – 735 с.

Як Б. Национализм и моральная психология общества. Москва: Институт Гайдара, 2017. – 517 с.

Bainton, R. 1917 Russia`s Year of Revoluton. London: Robinson, 2005. 315 p.

Burley, M. Blood and Rage. A Cultural History of Terrorism. London: Harper Perennial, 2009. 581 p.

Figes, O. A People`s Tragedy. The Russian Revolution. 100th Anniversary Edition. London: The Bodley Head, 2017. 923 p.

Kliksberg, B.A. Mitos y realidades sobre la criminalidad en América Latina. Buenos Aires: Siglo, 2006. 215 p.

Taylor, Ed. The Fall of Dynasties. The Collapse of the Old Order. NewYork: Yale University Press, 1963. 585p.

References:

Bainton, R. 1917 Russia`s Year of Revoluton. London: Robinson, 2005. 315 p.

Baranovski, V.G.; Bogaturov, A.D. Sovremennye globalnye problem (Modern Global Problems). Moscow: Aspect-press, 2010. 349 p.

Beugelsdijk, S.; Maseland, R. Kul'tura v ekonomicheskoi nauke (Culture in Economics). Moscow: Institut Gaidara, 2016. 445p.

Bordachev, T.V. Pushki aprelia ili vozvrashenie srtategicheskoi frivolnosti (The April Guns or the Return of the Strategic Frivolity) // *Rossia v globalnoi politike*, 2017, Vol. XV, No. 3, pp. 23-34.

Burley, M. Blood and Rage. A Cultural History of Terrorism. London: Harper Perennial, 2009. 581 p.

Figes, O. A People`s Tragedy. The Russian Revolution. 100th Anniversary Edition. London: The Bodley Head, 2017. 923 p.

Kak vazhno byt serioznym: mir nag rani nepopravimogo (How it is Important to be Serious: The World on the Verge of Uncorrectable) // Doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdai" (Report of the International Club "Valdai"). Moscow, 2017. 20 p.]

Kliksberg, B.A. Mitos y realidades sobre la criminalidad en América Latina. Buenos Aires: Siglo, 2006. 215 p.

Martynov, B.F. (ed.) Transgranichnyi terrorism. Ugrozy bezopasnosti I Imperativy mezhdunarodnogo sotrudnichestva. Latinoamericanskii vektor (Transnational Terrorism. Threats to the Security and the Imperatives of International Cooperation. Latin American Vector). Moscow: Nauka, 2006.

Nazarenko, K.B. Flot, Revolutzia I vlast` v Rossii: 1917-1921 (Navy, Revolution and Power in Russia: 1917-1921). Moscow: Kvadriga, 2011. 483 p.

Nikonov, V.A. Krushenie Rossii. 1917 (The End of Russia. 1917). Mode of access: fictionbook.ru/static/trials/06/18/14/06181443,a4.pdf

Taylor, Ed. The Fall of Dynasties. The Collapse of the Old Order. NewYork: Yale University Press, 1963. 585p.

Thaleb, N.N. Chernyi lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti (The Black Swan. The Impact of Highly Improbable). Moscow: Ko libri, 2010. 735 p.

Yak, B. Natsionalizm i moral'naia psikhologiia obshchestva (Nationalism and the Moral Psychology of Community). Moscow, Institut Gaidara, 2017. 735 p.

http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-2-93-104

ON THE "IRRATIONAL" IN POLITICAL SCIENCE AND IN POLITICAL PRACTICES

Boris F. Martynov

MGIMO University, Moscow, Russia

Article history:

Received:

24 December 2017

Accepted:

11 March 2018

About the author:
Dr. of Political Science, Professor, Head of Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University

e-mail: bfmartynoff@gmail.com

Key words:
rational and irrational in human conscience and political practices; methods of political forecasting; information politics of Russia

Abstract: The author, parting from the premise that the world political analysts failed to foresee some prominent political changes of the recent times, comes to the conclusion about the inadequacy of the existing methods of political analysis and forecasting. Some recent scientific works by Russian and foreign specialists made him think that a purely rationalist approach to the world studies, that has been used since the times of the Renascence, partly exhausted itself. Along with the Russian authors Baranovski and Bogaturov, the Author thinks, that from now on our political analysis should be enriched by the introduction of some elements of a so called "natural – chaotic essence", which influences the world events through the element of "happening". The core of such an approach could include: 1) the recognition of a partial inadequacy of purely rationalist methods in our assessment of human nature and social phenomena; 2) the transference of the center of gravity in our social studies from economic to national-ethnic, culturological and civilizational aspects; 3) a wider use of historic analogies in the studies of all the problems of modern international relations. A linear character of our political forecasting will most evidently suffer because of that. Nevertheless, it would contribute to the elaboration of a more stereoscopic, complex view on the international relations as a whole and, particularly, on such problems as terrorism, illegal migration, separatism, and so on. The Author agrees with the thesis of some Occidental analysts (Bernard Yak, e.g.) that we should learn to "dutifully live" with certain irrational phenomena of political life (e.g. – nationalism), by purposely searching for and the accentuation of their "brighter" sides in the detriment of "dark" ones. The main prerequisite of such an accentuation, according to the Author, should be a wider use of education and culture. Culture, as a "positive" irrational actor (in all its demonstrations, including the *political* culture) should be seen as a promoter of a more active information strategy of Russia in the world arena. A shift for such a strategy is utterly necessary because a continuation of a "defensive" policy in this sphere can lead to significant losses

Для цитирования: Мартынов Б.Ф. Об «иррациональном» в политической науке и практике // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 2. – С. 93-104.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-93-104

*For citation:*Martynov, Boris F. Ob «irratsional'nom» v politicheskoi nauke i praktike (On the "Irrational" in Political Science and in Political Practices) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 2, pp. 93-104.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-93-104